

Бянь Хун чувствовал, что промёрз насквозь, изнутри и снаружи, будто даже выдыхаемый им воздух стал таким же холодным, как падающий снег, и сливался с ним воедино. Он шёл за скрипуче-стонущей повозкой, опустив голову, неотрывно ступая по колее, словно марионетка на нитях.

Лишь когда возница-старик крикнул «тпру!», остановив вола, и, обернувшись, окликнул Бянь Хуна, который будто и не замечал ничего вокруг и продолжал идти вперёд, тот очнулся.

— Парень, — спросил старик, — там впереди кто-то стоит в снегу... тебя, что ли, ждёт?

Бянь Хун резко остановился и вскинул голову. У каменной стены, в самой метели, на границе округа, стоял человек. Всё в том же облике: в соломенной шляпе, надвинутой низко, так что лица не разглядеть; в звериной шкуре, которую снег давно покрыл сплошным белым слоем, невозможно было понять, какого она была цвета изначально.

Неведомо, сколько времени он там простоял.

В тот день Бянь Хун с опустошённым сердцем ушёл к пограничным землям; теперь же, вернувшись с головы до ног в снегу и остановившись, он поднял взгляд и вновь увидел ту же самую фигуру. Всё ту же.

Словно он никогда и не уходил, всё это время стоял здесь и ждал.

Теперь на свете оказался человек, который в завывающем ветре и снежной буре остался на месте, ожидая его возвращения.

От этой мысли ноги Бянь Хуна будто разом пустили корни: они прошли сквозь глубокий снег и лёд, тонкими нитями протянулись вниз и вонзились в землю под ногами, намертво вцепившись в неё, оплели и сковали так крепко, что он больше не мог сдвинуться с места. Он лишь тяжело и надёжно стоял на этой земле.

Старик-возница, видя, что хозяин груза долго не подаёт знака, уже собрался взмахнуть кнутом, но вдруг услышал голос позади:

— Да. Он ждёт меня.

Произнеся это, Бянь Хун словно окончательно лишился сил. Ноги подогнулись, а сознание наконец заметило изнурённое до предела тело: его качнуло, он сделал несколько неуверенных шагов и едва удержался на месте.

Жун Фэн уже широкими шагами направлялся к нему. Лишь когда он подошёл совсем близко, возница не удержался и воскликнул:

— Ого!

Такого рослого и крепкого молодца он видел нечасто. За многие годы, что он подрабатывал у пограничных гарнизонов, перевоза павших, ему доводилось встречать бесчисленное множество доблестных солдат и военачальников, но мало кто мог сравниться с человеком, идущим сейчас навстречу.

Сдержанный, величественный.

Жун Фэн подошёл и одним движением подхватил Бянь Хуна, который вот-вот готов был рухнуть, а затем буквально вырвал его из холодного снежного плена. Он распустил шарф Бянь Хуна - на нём снег таял и снова схватывался льдом, а влага от сбившегося дыхания превратила ткань в твёрдую ледяную корку. Провёл рукой за ворот - там тоже было холодно; нижняя одежда, промокшая от пота в пути, успела промёрзнуть.

— Не холодно?

Бянь Хун поднял голову, чёрные глаза посмотрели на мужчину, и спустя мгновение он всё-таки кивнул.

— Холодно.

Жун Фэн не стал больше говорить ни слова. Он отошёл в сторону, стряхнул снег с широких полей своей шляпы, затем сорвал с плеч звериную накидку и сильно встряхнул её. Снег осыпался, обнажив густой, плотный мех.

Он не стал просто накидывать свою одежду на Бянь Хуна: в такой холод плотная ткань, если тело уже остыло, не спасёт. Вместо этого он снял с Бянь Хуна всю верхнюю одежду, бросил её на телегу, затем расстегнул свою внутреннюю стёганую куртку, прижал ледяного Бянь Хуна к своей обнажённой спине, затянул завязки куртки и накинул сверху плащ из звериной шерсти.

За месяц дороги к пограничью юный ланьцзюнь стал ещё худее. Жун Фэн не чувствовал тяжести, даже с ещё одним человеком под ватником ему не было ни тесно, ни трудно.

Затем он опустил на голову шляпу, отрезая пронизывающий ветер и снег. Бянь Хун так и остался лежать на широкой, горячей спине мужчины, силы окончательно оставили его.

— Старик, будь добр, проедь с нами ещё немного, — сказал Жун Фэн.

Едва слова были произнесены, как старик отозвался коротко и решительно:

— Ладно!

Он взмахнул кнутом и повёл повозку следом за женщиной, и та, поскрипывая, двинулась по узкой дороге вглубь горного ущелья. Жун Фэн ни о чём не спрашивал и молча шёл вперёд.

Повозка входила в ущелье: куда ни глянь - по обе стороны высились мрачные утёсы и отвесные скалы. На подветренных склонах снег сдуло, и наружу проступал тяжёлый, тёмный камень, делая этот путь ещё более суровым и безлюдным. Старик, правивший волом, отпил глоток вина и невольно вздохнул - в груди поднялась глухая, тягучая скорбь. Его сын тоже погиб на войне, в такую же зиму. Тогда он впряг в повозку единственного домашнего вола, того самого, что пахал поля, и на телеге повёз тело сына домой, чтобы тот обрёл покой в родной земле. С тех пор он всё так же ездил, провожая погибших в последний путь, возвращая людей к их истокам, к земле, из которой они вышли.

Ему хотелось утешить все души, павшие от меча и копья.

— Паренёк, — сказал старик, — позволишь, я спою одну песню, провожу тех, что едут на повозке.

Жун Фэн оглянулся. Почувствовав, что человек за его спиной не подаёт признаков, он кивнул и ответил:

— Прошу вас. Весь этот путь мы обязаны вам.

Старик взмахнул рукой и щёлкнул кнутом в воздухе. Резкий свист отозвался эхом меж каменных стен и долго не стихал. Затем он открыл рот - голос его был старый, хрипловатый, но тянулся протяжно, с надрывом, будто выворачивая душу.

Гляжу на отчизну - горы далеки, воды далеки,

Гляжу на северные земли - земля широка, небо высоко.

В старом доме, быть может, уж нет матери,

Ай-яй-яй, сколько горя и труда.

Жена и дети без опоры,

Ай-яй-яй, их плач и стон.

Плачь о героях,

Плачь... как же унять их горестный гнев...

Жун Фэн слушал, как этот напев гулко, протяжно отдаётся в горном ущелье. Он поднял голову и посмотрел на отвесные стены гор и причудливые пики, что вырисовывались на фоне затихающей метели, в тусклом свете клонящегося к закату солнца. И вдруг он сам не понял, как по щеке скользнула холодная капля.

Он замер, растерянный. Не прошло и мгновения, как эти холодные следы потянулись один за другим и, срываясь, посыпались вниз. Холодный человек на его спине, уткнувшись ему в плечо, постепенно задрожал всем телом и всхлипнул. Слёз становилось всё больше, они стекали вниз по Жун Фэну, словно прокладывая дорогу прямо к его сердцу. Там что-то болезненно сжалось, отозвавшись глухой, тянущей болью.

Бянь Хун наконец расплакался взахлёб. В тёплом, защищённом уголке он дал волю рыданиям. Слезы, копившиеся долгие годы, наконец переполнили глаза и пролились на крепкое тело мужчины, безмолвно рассказывая о пережитых страданиях и горечи. Холодными руками он обнял тёплое тело, прижался лбом к щеке мужчины и плакал до полного изнеможения, а потом, убаюканный теплом его спины, уснул.

Это был самый спокойный сон за многие, многие дни.

Жун Фэн поднял взгляд на закат после снегопада, мягко подхватил спящего юношу повыше и, не останавливаясь, твёрдым шагом продолжил путь вперёд.

Когда Бянь Хун снова открыл глаза, он уже лежал на знакомом тёплом кане. Под ним была бамбуковая циновка - чистая, с лёгким травяным ароматом. Одеяло сверху тоже было чистым и аккуратным, только почему-то казалось тяжёлым.

Опустив взгляд, он понял, что тяжесть не от одеяла, а от прижавшихся к его груди с двух сторон Юаньдина и Гуаньбао. Дети тоже спали, но их маленькие руки крепко сжимали его одежду. Бянь Хун, глядя на смятый ворот, на миг застыл: на нём была уже не та одежда. Её сменили на новую - ткань мягкая, приятная на ощупь, явно недешёвая для этого мира, да ещё и в комплекте со штанами. Он вдруг непроизвольно свёл ноги, и внутри стало неловко, даже жарко. Он уже очень давно не носил нижнего белья, здесь о таком и не слышали. Да что там бельё, кое-кто и спать ложился, не надевая даже нижней рубахи.

Да, речь как раз о том самом мужчине.

Мысли путались, в глазах защипало. И тут он вспомнил, как плакал, уткнувшись в плечо Жун Фэна. Он неловко списал всё на печальную песню старого возницы, мол, она вдруг пробудила в нём способность снова плакать. Но на душе стало легче. Словно что-то, закупоренное годами, наконец приоткрылось. Появилась щель, через которую слёзы получили право течь.

Бянь Хун колебался, будить ли двух детей, прижавшихся к нему: дел ещё было много - нужно выбрать место и как следует похоронить вернувшихся товарищей, а раненую боевую лошадь следовало устроить и лечить. Но в этот момент в дом вошёл Жун Фэн. Он потопал у порога, стряхивая снег с обуви, и, увидев, что Бянь Хун проснулся, сказал:

— Место я уже присмотрел. Вон там, под склоном, на маленьком цветочном лугу. Весной, когда всё зацветёт, там будет очень красиво. Сходи посмотри: если подойдёт, я начну сбивать гробы и копать могилы.

Бянь Хун поспешно сел и осторожно переложил детей в сторону. К счастью, они, не смыкая глаз, стерегли его всю прошлую ночь и теперь спали крепко: лишь слегка пошевелились и снова прижались друг к другу, не просыпаясь.

— Там очень хорошо. Спасибо тебе.

Пейзаж там был словно на картине. Хотелось верить, что товарищи, долгие годы сражавшиеся и нёсшие службу, обретут там покой и смогут взглянуть на ту прекрасную землю, которую защищали. Подумав об этом, Бянь Хун обернулся в поисках одежды, но Жун Фэн опередил его: он уже протягивал тёплый, прогретый у очага ватник.

Лишь когда Бянь Хун протянул руку, чтобы застегнуть пуговицы на одежде, он вдруг замер: слишком уж это выходило у него автоматически. Он и сам не понимал, что именно произошло между ними, как всё так незаметно и естественно перетекло в нынешнее положение дел.

Он поднял глаза и посмотрел на Жун Фэна. Тот слегка наклонил голову, словно спрашивая: «Что такое?»

Бянь Хун опустил взгляд и поспешно продолжил застёгивать пуговицы.

— Ничего.

Когда они вышли наружу, день выдался ясный. После снегопада небо было безоблачным, прозрачным до предела, а солнце стояло высоко, почти в зените.

У ворот Бянь Хуна окликнул старый возница, прощаясь:

— Парень, спасибо вам обоим, что дали старику переночевать, да ещё и угощали таким хорошим столом. Сегодня погода что надо, самое время в путь. Я поеду. А ты, молодой господин, береги себя.

Ещё вчера, на горной дороге, старик решил, что эти двое - супруги. А когда вечером они добрались домой и навстречу выбежали двое детей, он окончательно уверился: не просто супруги, а уже и с детьми. Да ещё и ланьцзюнь такой плодовитый - сразу двоих подряд родил.

Бянь Хун откликнулся, поблагодарил старика и проводил его взглядом: тот, подгоняя вола и окликавая его, постепенно спускался вниз по горной дороге. После этого возвращения старик по-прежнему будет колесить по свету с севера на юг, с востока на запад, провожая тех, кто, преодолев тысячи ли, всё же стремится вернуться домой и упокоиться на родной земле.

Молча вернувшись во двор, Бянь Хун увидел раненую лошадь: она лежала на соломенной подстилке у кухни. Жун Фэн приподнял крышку котла, выложил в большую миску зелёные листья и корешки, дал им чуть остыть и только потом поставил перед животным. Лошадь вовсе не боялась Жун Фэна и не проявляла тревоги из-за незнакомого места. Она смиренно лежала, стараясь не вставать, чтобы не потревожить рану в бедре.

Бянь Хун подумал, что это и неудивительно: этот человек, пожалуй, куда лучше ладит с животными, чем с людьми, и, кажется, получает от этого искреннее удовольствие. Он подошёл ближе, погладил исхудавшую лошадь. Та, жуя листья, повернула голову и ласково потёрлась о него мордой. После этого Бянь Хун поднял глаза на Жун Фэна и спросил:

— Я думал, лошадей кормят сухим сеном. Зачем же варить для неё листья?

Жун Фэн ополоснул котёл, снова засыпал в него зерно и поставил варить кашу, скоро нужно было будить Юаньдина и Гуаньбао завтракать. Он бросил взгляд на юного ланьцзюня, присевшего у лошади и такого же худого, как она сама.

— Это не овощные листья, — сказал он. — Это лекарство. В варёном виде лечит раны. Мы же привезли его тогда из горы Мэмэн, ты разве забыл?

— А... — откликнулся Бянь Хун.

Он быстро учился почти всему, но с травами у него не ладилось: все они казались ему одинаковыми, и различать их было по-настоящему трудно. Зато в душе у него стало спокойнее - в таких вещах Жун Фэн разбирался отлично, и, возможно, сумеет поставить на ноги эту лошадь, его бывшего боевого товарища.

Тут Бянь Хун словно что-то вспомнил:

— Кстати, у меня в узле ещё есть один флакон с лекарством. Посмотри, можно ли его дать.

Сказав это, он вернулся в комнату за поклажей. Чтобы не разбудить детей, он не стал шуметь и снова принёс узел на кухню. Усевшись у очага, он одной рукой подбрасывал дрова, другой развязывал узел. Долго копался, прежде чем нащупал тот самый нефритовый пузырёк и вместе с ним из узла выпала нефритовая подвеска.

Жун Фэн даже не посмотрел на протянутый ему флакон с лекарством, вместо этого он скользнул взглядом по нефритовой подвеске, упавшей на пол.

— Откуда эта подвеска?

Бянь Хун не придавал вопросу значения:

— Наткнулся на одного бандита, за которым гнались. Он зачем-то всучил мне её.

Жун Фэн вытер руки, наклонился, поднял подвеску и стал крутить её туда-сюда, разглядывая. На нефрите были вырезаны иероглифы.

— «Идао Хун»... «Один Удар Красный»?

Бянь Хуну показалось, что сегодня этот человек странно путает главное со второстепенным. Он же просил взглянуть на лекарство, с чего вдруг такое внимание к какой-то подвеске? Тем более что обычно Жун Фэн вовсе не любил расспросов: он ни словом не поинтересовался ни телами привезённых товарищей, ни раненой лошадей, просто молча взялся за похороны и лечение.

Бянь Хун открыл нефритовый флакон и поднёс его прямо к носу Жун Фэна:

— Понюхай лучше, что это за лекарство. Тот чиновник, что дал его, настаивал, чтобы я принимал.

Только тогда Жун Фэн взял флакон. Ему хватило одного вдоха, и Бянь Хун увидел, как зрачки его разноцветных глаз резко сузились. Жун Фэн поднял на него удивлённый взгляд:

— Ты видел моего учителя?

Бянь Хун опешил. А потом в памяти всплыл образ человека, вручившего лекарство. Если честно, теперь, задним числом, тот неопрятный, немного растрёпанный вид и правда чем-то напоминал Жун Фэна: та же манера, те же грубоватые черты, и даже волосы кое-как зачёсаны назад, стянуты в жёсткий, будто конский, хвост.

— Высокий, лет сорока пяти-пятидесяти, худощавый, лицо вытянутое, над бровью шрам...

Жун Фэн закивал, не скрывая волнения:

— Где ты его встретил? Как он, жив?

— В военном лагере. Похоже, он служит охраной при дашуае. Выглядел немного уставшим.

Жун Фэн тихо вздохнул. Он не видел учителя уже много лет и не ожидал узнать, что тот по зову Великого наставника отправился на войну. В детстве учитель часто говорил ему, что нынешний Великий наставник-дашуай - его младший брат по учёбе, человек необычайных способностей, и потому Жун Фэну «следует прилежно учиться, паршивец».

Жун Фэн всегда считал это бахвальством. Какой ещё брат Великого наставника - у человека, который столько лет жил один в глухих горах, словно дикарь, без жены, подбирая и воспитывая чужих детей?

Теперь же выходило, что этот вечно несобранный учитель вовсе не лгал.

И всё-таки Жун Фэн почувствовал облегчение: раз они оба живы и целы, пусть даже разделённые большим расстоянием, значит, когда-нибудь им суждено снова встретиться.

— Возьми. Это хорошее лекарство для восстановления организма. Сложное в приготовлении, кроме моего учителя, никто не умеет его делать.

Лишь теперь Бянь Хун принял флакон и решил проглотить одну пилюлю, чтобы не обидеть заботу учителя Жун Фэна. Но стоило лекарству оказаться в руках, как резкий, удушливый запах заставил его резко отвернуться.

Точно такой же.

Один в один как те чёрные пилюли величиной с куриное яйцо, что были в маленьком каменном жилище в горах Мэмэн. Та же жгучая, горькая вонь, то же ощущение, будто проглотить это почти невозможно. Бянь Хун, зажав нос, с огромным трудом проглотил одну пилюлю, стискивая зубы, чтобы не вырвать. И только одна мысль мелькнула у него в голове:

«У учителя Жун Фэна явно есть яд в характере».

<http://bllate.org/book/13502/1272692>